

Это был абсолютно рыжий, с жёлтыми глазами кот.

– Видала я вас, таких, – подумала Галина Петровна, когда он появился по осени у неё во дворе, ободранный и грязный, бездомный кошачий бомж.

К тому же у Галины Петровны кошечка уже была, Муся, беленькая, любименькая, нежная её Мусечка. Трудяжечка, как все кошки: и мышака поймает и принесёт, перед ней, хозяйкой, отчитается, и клубочком ниток вечерком поиграет, и на диванчике растянется, чтобы было кого ей, хозяйке, погладить-приласкать.

Этого же сразу видно, наглец, каких поискать. Галина Петровна недолго гадала, откуда он взялся: заметила, как он у соседей с левого угла ошивался. Тут два варианта: либо своего, типа, забыли, либо Рыжий от рождения бездомный и так вот по дачам пробавляется. Второй вариант Галине Петровне показался даже более правдоподобным: из характера Рыжего она его определила: наглый, независимый, с малых когтей привык людьми манипулировать.

– Не пущу, – решила Галина Петровна.

Но рыжий смотрел укоризненно, сидел в сторонке, чтобы хозяйка видела, что не докучает, имел вид просителя, хотя и голодного, но покорного. Понятно, что жизнь «по людям» многому уже научила. И Галина Петровна сделала первое отступление:

– Ладно, миску налью. Но чтобы я тебя здесь больше не видела!

Однако, чтобы налить миску чужому коту, следовало её найти, как и место, где её поставить. Ведь у неё же Мусечка,

беленькая, чистенькая, даже представить, что где-то с этим рыжим, грязным наглецом пересечётся, было невозможно.

Место для миски Галина Петровна определила под верандой. В конце концов, один раз поест и пусть убирается, ничего страшного не произойдёт. Миску подобрала старую Мусечкину. Ей-то, Мусечке, она недавно новую купила, двойную, пластмассовую, ярко-розовую, эту выкинуть не успела. Налила вчерашнего супа, поплачет и пусть катится колбаской.

Рыжий лакал долго, благодарно. Да и то верно, прежние-то хозяйева дня три, как уехали, дачники они, если с угла. Галина же Петровна жила тут. И домик её, хоть и небольшой, но крепкий и уютный, на зиму сиротой не оставался, дымок из трубы вился, и окошки тёплым светом светились. Да и дети, прихватив внуков, наезжали по субботам на шашлыки да в баньке попариться.

Конечно, Рыжий три дня голодным не ходил. Чтобы этакий котяра мышака не словил, или воробья нахального, страх потерявшего и в меню такого вот рыжего по собственной глупости угодившего.

Непонятно почему, но кроме бомжующих котов, Галина Петровна недолюбливала воробьёв. Что они ей сделали, отчёт даже себе самой она дать не могла, а вот не любила, и всё тут. Синичек любила, красногрудых снегирей обожала, зябликов разных. А вот воробьи, вечно они по чужим мискам пробавляются, ничего не боятся, даже смерти собственной, природные приедалы!

Подкрепившись, Рыжий залёг прямо здесь, под верандой и закрыл глаза. Полдела сделано, «она», то есть хозяйка, накормила. Значит, он не ошибся в главном, в выборе той, кто обеспечит ему тёплую и сытую зиму, дальше в будущее Рыжий не заглядывал. Главное – сразу не борзеть, тихим са-

пом продвигаться. План составить: значит, пункт первый: не орать от голода, а как сегодня, на жалость давить, смотреть покорно. Второе – перестать драться, временно, конечно, с другими котами за кошек, чтобы привести шкуру в порядок. Вон как смотрела брезгливо. Третье, почти засыпая, накидывал пункты Рыжий – понравиться этой дуре-блондинке её... Мусечке.

Рыжий терпеть не мог избалованных неженков. Всё получили и сразу: и дом, и стол, и любовь доброй хозяйки. Ведь она, Мусечка, уверена, что, другой-то судьбы у кошек и не бывает. Сразу, как родились, расхватили добрые бабушки и пошло-поехало: кормят, поят, гладят. А судьбы-то кошачьи, ох, какие разные, порой шерсть дыбом встаёт, как наслушаешься.

Ну и нечего уже говорить, что завтра придётся в первый раз зайти за здоровенный бак с водой, приставленный к углу дома, в начале огородной зоны и предназначенный для поливки огорода. Именно за тем баком находится этот придурочный Полкан. Примитивный цепной пёс, как и его имя. Гавкать только может. Что он видел в жизни? Так, изредка отпускают к ночи побегать по двору. У самого уже ума хватает на улицу выбираться, приличным котам не пройти потом. Как с ним общаться? А ведь надо налаживать отношения...

На этой не совсем позитивной ноте Рыжий заснул.

Первую половину ночи ему снилась миска с супом, из которой он снова лениво (сытый же) лакал, потом появился этот самый Полкан, он всё гнался за ним и обрывок цепи бороздил дорожную пыль. Он почти догонял его, почти ухватывал за хвост, но в последний момент промахивался. Рыжий никак не мог найти дерево, на которое следовало заскочить. А вдоль дороги то там, то тут появлялась хорошенькая мордочка Муси, которая безразлично глядела им с Полканом вслед...

«Какого чёрта, какая Муся?» – думал во сне Рыжий и всё бежал... бежал...

Сон оказался в руку, ну то есть в лапу.

Проснулся Рыжий от того, что всей своей кошачьей шкурой почувствовал чей-то взгляд. И всем своим звериным подсознанием понял, что дёргаться не стоит. А можно лишь чуть приоткрыть один глаз, чтобы увидеть, что же всё-таки происходит. Что он и сделал. И чуть не дёрнулся. Потому что над ним нависла собачья морда. Она нюхала воздух и хлопала наивными и глупыми собачьими глазами.

Рыжий быстро сообразил, что морда принадлежит хозяйскому псу Полкану, а кому же ещё? Отпустила его всё же хозяйка на ночь побегать по двору. То, что Полкан наивный и глупый, это обнадёживало, но что же делать? Притвориться добрым и позитивным, мол, мы с тобой одной крови? С собакой? Тьфу-тьфу, ну уж нет, да и с какой стати!

По опыту прошлых общений с хозяйскими псами Рыжий знал, что дружба тем крепче потом, чем больше страху нагонишь сейчас. Ну что ж, поехали...

И Рыжий резко открыл оба глаза, зло уставившись ими в глаза Полкаши. Тот вскинулся. Рыжий вскинулся тоже. Потом выгнул спину. Шерсть встала дыбом, и кот зашипел, одновременно выпустив острые когти.

Полкан чуть отпрянул назад. Любопытство сменилось настороженностью. И тогда Рыжий взвыл и нервно вскинул вооружённую острыми, веером расставленными когтями лапу вверх. Полкан понял, что сейчас его нос пострадает и чуть отпрыгнул, но всё ещё не ретировался. А зачем?

К котам у Полкаши, доброго, мудрого, давно живущего на свете пса, своё отношение. Конечно же, он не любил котов,

вообще, в целом, так сказать. Но, опять же Мусечка, чем она плоха? Хозяйка её любит, попробуй, обидь её.

К бесхозным котам Полкаша тем более не имеет претензий. Жизнь у них не сахар. У цепных псов и то легче: они хоть и с цепью, но при хозяевах. У него-то самого хозяйка просто золото: почти каждую ночь отпускает побегать. Полкаша давно уже нашёл лазейку на улицу. Главное, вовремя вернуться и на улице вести себя сдержанно, прецедентов не создавать.

Этот Рыжий, он, конечно, дурак. Убраться что ли от греха подальше? И когда Рыжий совсем встал на задние лапы и, ощерившись, зашипел, как сковородка у хозяйки на печке, когда она на веранде жарит картошечку с мясом, Полкаша всё же потихонечку, по полшага стал спячиваться, стараясь не поворачиваться к агрессору задом.

Однако, чтобы кот не возомнил о себе слишком много, предупреждающе порывкивал, мол, меру знай и из рамок тебе дозволенного не выпрыгивай. Хорошо, хоть Ремантадин, соседский пёс через два дома, у него хозяин санитаром в больнице какой-то работает, не видит этого позора. Но и связываться с этим, изодранным в бесконечных боях с другими котами, Рыжим – себе дороже.

Так они познакомились, цепной пёс Полкан и бездомный кошачий бомж Рыжий.

На следующий день Галина Петровна, снова, увидев Рыжего во дворе, сказала:

– Ну, всё, теперь от тебя не отвяжешься. Зря я тебя вчера накормила. Ну-ка, иди-иди отсюда!

Взяла миску и пошла наливать вчерашнего супа.

– Ладно, ещё раз накормлю. И чтобы духу твоего больше здесь не было. «Придётся мышака ей притаранить», – лакая суп, определился с занятиями на день Рыжий.

Поев, вспомнил про Элю, знакомую кошку, с которой у него были хорошие отношения. Но это вечером. К тому же за Элю придётся драться с Бариним, персидским котом, отвратительного нрава, хуже, чем у него.

Хозяин у него владелец огромного коттеджа за семью замками и печатями, с семьёй охранниками по периметру, только за Бариним не смотрят, куда он ходит, а так мышшь, без их ведома, не пробежит в этот самый коттедж. Опять же шкура, которую просто необходимо привести в порядок...

И лёг подремать под верандой, понежиться, так сказать, на сытый желудок.

Сколько он уже так не нежился? С тех пор, как его самые первые, настоящие хозяева решили исчезнуть из его кошачьей жизни. Как и почему это случилось, не ему, рыжему коту, знать. Он, конечно, умный, но не до такой степени, чтобы разбираться в человеческих проблемах. Ведь что такое человек? Конечно, он котам хозяин: кормит, поит, запускает в дом, выпускает из него. Но, с другой стороны, если так, то, что такое слуга? Впрочем, не это важно, а то, что им, людям, за всё это дано право не только быть в их кошачьей жизни, но и... исчезать из неё.

Хотя... у людей ведь тоже есть хозяин. Они его называют – Бог. И он тоже порой исчезает из их человеческой жизни. И человек становится безбожником. И в свою очередь бросает тех, кого приручил!

Некоторые люди отваживаются искать исчезнувшего Бога. Они молятся, просят, чтобы он про них вспомнил. Делают они это в больших, красивых домах, называемых храмами, где живёт их Бог. Рыжий однажды целую зиму жил в таком доме, видел ищущих Бога, но... самого Бога так и не удалось повидать. С верхних этажей в подвалы он не спускался. Но всё равно, он не ко всем людям возвращается, хоть они и при-

носят ему разные подарки, пожертвования, как они говорят. Вот, как Рыжий, мышака хочет хозяйке принести.

Той, которая этим летом была его хозяйкой, так всех мышей на её участке переловил. Кормили-то не очень, забывали частенько. Диман у них, правда, хороший пацан. Крадучись от родителей с ним играл. У самых первых-то, настоящих, девочка Леночка была, совсем кроха, всё норовила его за хвост потянуть. Рыжий тогда сам молодой был, недовольство проявлял, фыркал на ребёнка.

От Димана почти всё терпел, иногда только сбегал, если уж совсем не вмоготу. Всё равно хозяйка, как заведённая:

– Не трогай этого блохастого.

Диман ревел, просил взять котика в городскую квартиру. Бесполезно!

– Мне в квартире блох не надо.

Ну, отмыла бы, вывела бы блох. Говорят, неприятная процедура, зато после неё хорошо, шкура не чешется. Да что это я, никак уснуть не могу. Мысли одолевают. Люди думают, что мы думать не умеем, лучше бы они были правы.

Всё бы ничего, но погода сворачивала на зиму. Ночью подмораживало, и спать под верандой становилось всё холоднее. И Рыжий принёс хозяйке мышака. Занёс на веранду и положил прямо на середину на тканую дорожку. Сам сел в уголке и стал ждать.

Двери из дома на веранду, летом распахнутые настежь, только тюлевая занавеска колышется сквозняком, плотно закрыты. Часов в пять утра дверь приоткрылась и послышался голос хозяйки:

– Сходи, погуляй, маленькая.

И вышла Мусечка. Прошла через веранду, не обратив ни малейшего внимания ни на Рыжего, ни на мёртвого мышака. Через специально вырезанное отверстие в нижней части верандной двери, утянулась на улицу. Погуляв немного, верну-

лась тем же ходом, и села в другом уголке напротив Рыжего, и стала безразлично смотреть своими голубыми круглыми глазами, с вертикально поставленными кошачьими зрачками. Ну совсем как во сне. Иногда, правда, чуть прижмуриваясь на убиенного мышака. Но утро обязывало, и, когда Галина Петровна всё-таки сама вышла в веранду, громко мяукнула и бросилась к хозяйке.

– Ах ты, моя золотая, уже мышку словила! – раздался восторженный голос хозяйки, но в следующий момент её взгляд упал на Рыжего, скромно сидящего в уголке.

– А ты чего расселся, лентяй? Пои тебя, корми...

Недовольно замела мышака на совок, выкинула в мусорное ведро во дворе под верандой. Возвратившись через некоторое время, запустила Мусечку в дом и, не выгнав Рыжего с веранды, зашла сама.

Так Рыжий прошёл второй уровень своих отношений с хозяйкой. Вскоре в веранду была перенесена и миска.

В субботу затопили баню. К Галине Петровне приехал сын Андрей с семейством: женой Людой, сыном Костяном и дочерью Василисой, которую все называли ласково Василькой.

Василька, как ни странно, любила именно Полкана, недалёкого, цепного, не очень красивого. Вернее, она любила с ним играть в одну очень странную игру. Васильке было года три с половиной. Игра начиналась так: Василька брала метлу для подметания во дворе. Метла была намного больше её самой, но это неважно. Замахнуться ею она не могла, поэтому просто волочила её в сторону Полкана. Тот делал вид, что страшно пугается метлы и в ужасе заскакивал от неё в свою собачью будку. Василька хохотала долго, заразительным смехом трёхлетнего ребёнка и, довольная, что так напугала собачку, шла ставить метлу на место. Восторженный Полкан, а он тоже

невероятно любил Васильку, выскакивал из будки и предано бежал вслед за маленькой хозяйкой. Та оборачивалась, Полкан тут же лизал её в щёку, или куда попадёт. Теперь Василька уже визжала, отмахиваясь от собаки, снова бежала за метлой и снова волочила её в сторону Полкана. Естественно, пёс опять пугался, Василька хохотала, и все вокруг этих двух... счастливых были невероятно счастливы тоже.

На Рыжего обратил внимание, как и следовало ожидать, только Костян. Увидев незнакомое животное, он радостно выкрикнул:

– Баба, у нас какой-то кот?

И пошёл к Рыжему знакомиться. Вот уж кому безразлично, какая шкура у Рыжего. Они долго на первый раз изучали друг друга. Костян, мальчик на полтора года старше Васильки, был как раз в том возрасте, когда ребёнка приводит в восхищение любое новое животное, появившееся во дворе.

Правда, после этого начинается выяснение, кто в доме хозяин.

Костян сначала долго гладил Рыжего, потом зачем-то поднял большого тяжёлого кота на руки и, кряхтя, перенёс с одного места двора на другой, туда, где стоял деревянный, грубо сколоченный, широкий табурет, по совместительству подставка под цветы, и стал запихивать Рыжего под него. Рыжий не сопротивлялся. Более того, утянул когти и расслабил лапы, чтобы, не дай бог, не царапнуть нечаянно этого... хо-зя-и-на.

Подпихнув кота под табурет, Костян стащил с забора сушившийся на нём довольно больших размеров «кружок», то есть вязаное из нарванных специальным образом тряпок изделие для настиланья на чистый пол, и накрыл им табурет с котом. Уже оказавшись в темноте и пока в полном удо-

вольствию от происходящего, Рыжий услышал голос матери Костяна, Люды:

– Галина Петровна, а кот хотя бы чистый?

– Сегодня Андрей помоеет в бане после всех, да он недавно прибил, гнала-гнала...

Вспыхнул свет, это Костян откинул с табурета «кружок».

Рыжий лежал на досках двора под табуретом, откинув голову, прикрыв от удовольствия глаза, и, впервые, может даже за всю свою нелёгкую кошачью жизнь, раньше-то он и не знал, как это делается, громко мурлыкал.

– Баба, а кот мурлычет, – тут же прокомментировал происходящее Костян.

– Его Рыжий зовут, – поправила внука проходящая мимо бабушка.

И Рыжий понял: ему уже нечего бояться, зима будет тёплой и сытной. Он вылез из-под табурета и спокойно пошёл по своим делам. Надо до помывки встретиться с Элей, а там и – Барин, чтоб уж заодно.

Уже поздно вечером, после бани, ох, и неприятная процедура, Рыжий рвался поначалу, но молодой хозяин пристыдил, пришлось успокоиться в конце концов, до этого он мало чего боялся в жизни.

Хозяева жарили шашлыки. Всё семейство крутилось вокруг мангала. Невероятно пахло жареным на открытом огне мясом. На веранде на небольшом пластиковом столике нарезались салаты. Огурцы с помидорами лежали крупно порубленные, навалом, на здоровенной салатной миске, перемешанные с огромным количеством зелени и политые нерафинированным пахучим подсолнечным маслом. Лук помыли и кинули на стол целым. А зачем резать. Ведь нет ничего вкуснее именно цельного лука, с хрустом отрываемого зубами от целого пучка из пяти-семи сочно-зелёных

перьев, предварительно от души потыканного в солонку. А всё это к стянутому со шпажки рясному кусищу мяса, ещё горячему, источающему жир и сок, капающий на подставленную под шашлык тарелку. Впрочем, Рыжему про лук не интересно, ему бы, как и всем остальным присутствующим, этого самого кусища отведать.

Ожидание шашлыков не проходило пассивно. Ими занимались вплотную только хозяин с сыном, то есть Андрей с Костяном. Остальные, насмотревшись какое-то время на процесс приготовления мяса во дворе, на открытом воздухе, в один из последних благодатных осенних тёплых вечеров, норовили позаниматься ещё какими-нибудь делами.

Галина Петровна с Людмилой, как уже было сказано, хлопотали вокруг стола. Мусечка растянулась тут же на верандном диванчике, как обычно, как всегда и как полагается ей, любимой кошечке старшей хозяйки.

Василька звенела, как колокольчик, и бегала вокруг Полкана. Тот подскакивал посреди двора, хлопал восторженными собачьими глазами и глупо мотал хвостом.

«А что он ещё может? И не стерильно, к тому же», – недовольно думал Рыжий, отмытый наконец, с чистой, распушившейся рыжей шкурой.

Рыжий расхаживал по двору, нет, не в ожидании куска мяса, он ему уже обеспечен. Иногда садился недалеко от мужчин, Костян-то занят шашлыками. Тогда он жмурил жёлтые глаза и думал о том, что возможно боги... ну, то есть слуги, тьфу ты, люди, конечно, именно эти, вот так неожиданно им обрётённые, станут его настоящими... хозяевами. И не только на одну эту грядущую, холодную и снежную зиму. Конечно, те, первые... но где они теперь? Нет-нет, его кошачьи боги вернулись к нему. И на этот раз – навсегда!